

нием частных квартир, где проживали военнослужащие. Местные жители отказывались давать им дрова, так как стоили они дорого. В 1797 г. командир полка генерал-майор Боувер и военный комендант Екатеринбургa доносили в берг-коллегию и министру финансов, что из-за нехватки дров не только рядовые, но и штаб-офицеры екатеринбургского полка испытывали большую нужду.

Для того, чтобы предотвратить массовые заболевания военнослужащих, городская Дума вынуждена была принять беспрецедентное решение: разрешить чинам полка бесплатно пользоваться дровами хозяев дома, где они квартировались. Это вызвало большое возмущение екатеринбуржцев, особенно мастеровых, бытовые условия которых и без того были нелегкими. Для того, чтобы успокоить население, Канцелярия горных заводов и городская Дума пошли на новые чрезвычайные меры – разрешили свободную вырубку лесных дач под городом для дешевой распродажи дров екатеринбуржцам. Убытки были списаны за счет городской казны и близлежащих заводов и рудников.

В целом городские расходы на содержание полка за 1797–1807 гг. были весьма значительными. Особенно большими военные поборы с населения оставались в 1797–1801 гг., когда в Екатеринбурге и Перми велось строительство казарм, караульных помещений, обустройство помещений, лазаретов, будок и др. В это время ежегодные денежные сборы составляли свыше 2 тыс. р. И только в начале XIX в. они стали уменьшаться: в 1806–1807 гг. – до 1,5 тыс. р. Эти расходы тяжелым бременем легли на жителей Екатеринбургa и всей Пермской губернии.

С. В. Кальниченко
Уральский государственный университет

Взаимоотношения императора Николая II и российского генералитета

Вопрос о взаимоотношениях Николая II и российского генералитета, самодержавной власти и армейского командования является одним из важнейших в процессе понимания как хода военных действий в 1914–1917 гг., так и причин острейшего политического кризиса в России, закончившегося свержением монархии в феврале 1917 г.

Вступление Российской империи в войну внесло существенные коррективы в механизм взаимодействия самодержавной власти с другими институтами российского общества, в первую очередь с военными. Первый год войны был отмечен в России большим подъемом патриотических настроений. Практически все политические силы осознавали, что для

успешного ведения войны, помимо чисто военных приготовлений, требуется максимальное согласие в обществе. Современники отмечали, что большая часть командного состава российской армии была настроена лояльно по отношению к идее монархизма и к личности государя. Однако дальнейшие события показали, что Николай II, вместо того чтобы на волне патриотических, верноподданнических настроений воспользоваться ситуацией для объединения власти и общества, казалось, делал все, чтобы еще более усугубить разрыв между ними. По словам А. И. Деникина, “члены Дома Романовых не оберегали” идею, которую ортодоксальные монархисты (в том числе в армии) хотели окружить ореолом величия, благородства и поклонения”. Отношения между Николаем II и российским генералитетом начали портиться с того момента, когда специально для лиц императорской фамилии стали учреждаться ненужные должности: верховный санитарный инспектор, инспектор войск гвардии, походный атаман казачьих войск и т.д. По мнению военных специалистов того времени, назначение членов Дома Романовых на строевые должности, на которых без надлежащей подготовки они либо приносили вред, либо пассивно выполняли приказы штабов, было негативно воспринято в среде командного состава российской армии.

Роковые последствия имело возложение Николаем II на себя обязанностей Верховного главнокомандующего в августе 1915 г. Многие представители российского генералитета предостерегали императора от этого опасного шага. Официальными мотивами предостережений выставлялись, с одной стороны, трудность совмещения функций управления страной и командования армией, с другой – риск брать на себя ответственность за армию в период ее неудач и отступления. Но истинной побудительной причиной этих предостережений было, на наш взгляд, опасение, что отсутствие должностных знаний и опыта у нового Верховного главнокомандующего осложнит и без того трудное положение армии, а “распутинско-немецкое” окружение, вызвавшее практически полную недееспособность правительства и его разрыв с Думой и страной, поведет армию к разложению.

Существует также версия, что решение Николая II возложить на себя обязанности Верховного главнокомандующего вызвано боязнью окружения императрицы перед все более возрастающей (невзирая на неудачи армии) популярностью великого князя Николая Николаевича.

В результате принятого решения на Николая II возлагалась полная и безраздельная ответственность за все, что происходило в Ставке, которая находилась в Могилеве и удаляла его от столицы, от оперативного принятия государственных решений.

Во многих публикациях (особенно в последнее время) переоценивается деятельность Николая II на посту Верховного главнокомандующего. Однако фактически командование вооруженными силами осуществлял

генерал М. В. Алексеев. По свидетельству очевидцев, император всецело доверял ему в вопросах управления армией.

Официально серьезных разногласий между Николаем II и российским генералитетом не было. Некоторые разногласия наблюдались лишь по второстепенным вопросам – о назначении приближенных, о создании царем новых должностей и т.п. Серьезные противоречия во взаимоотношениях между Николаем II и российским генералитетом стали проявляться, на наш взгляд, в ходе Военного Совета, собранного в Ставке в конце 1916 г. под председательством государя из всех главнокомандующих и высших чинов Ставки. Обсуждался вопрос о кампании 1917 г. Большинство участников совещания пришло к выводу, что Верховный главнокомандующий, как пишет Н. Яковлев, “полностью безучастен к делам фронта”, а руководящую роль играет временный заместитель начальника штаба генерал Гурко.

С этого времени начинается, по нашему убеждению, активный процесс отторжения Николая II от российского генералитета. Император начинает искать контактов с деятелями Государственной думы (встречи генералов Поливанова и Лукомского с А. И. Гучковым и т.д.). В среде генералитета обсуждался вопрос о возможности государственного переворота (отстранение от власти Николая II и замена его либо великим князем Николаем Николаевичем, либо наследником Алексеем при регентстве великого князя Михаила Александровича). Большое впечатление произвел в армии слух об измене императрицы, который начал муссироваться в связи с делом полковника Мясоедова. На наш взгляд, это обстоятельство сыграло огромную роль в изменении настроений в армии, ее отношении к династии и к грядущей революции. Многие из близкого окружения Николая II (в том числе генералы Алексеев, Гурко, Брусилов, Рузский и др.) предупреждали его о тревожных настроениях в обществе и армии, говорили о необходимости решительных перемен. Но главную угрозу трону и династии они видели в “гибельном участии” в управлении государством Александры Федоровны. Однако Николай II никак не прореагировал на эти предупреждения. Как писал генерал Дитерихс, “никакие представления не действовали”. Именно представители высшего российского офицерства (кто руководствуясь высокими патриотическими чувствами, а кто – карьеристскими соображениями) сыграли одну из главных ролей в событиях Февраля 1917 г., приведших к крушению монархического строя в России.